

Хесба Стреттон

ТАЙНА ПОМЕСТЬЯ БУРКОТ

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»

Санкт-Петербург

2021

ББК 86.376

В юности главной героине неожиданно открылась тайна о ее рождении и о неприглядных занятиях того, которого она считала своим отцом. Ее уязвимым положением воспользовался Эдвард Клив, вступив с ней в брак, но не признав ее открыто своей женой.

После гибели мужа героиню забирает к себе его богатый брат Брюин, отношение которого к ней и к ее родившейся дочери не раз вызывает у нее вопрос: почему он готов отдать все свое имение им?

Но что принесет героине знание тщательно оберегаемой тайны поместья Буркот?

Перевод *Анны Кацюн-Гмурчик*

Редактор *Дмитрий Разумовский*

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может копироваться и публиковаться никакими средствами (печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими и пр.) без предварительного письменного разрешения правообладателя (за исключением цитирования в пределах стандартных норм).

ISBN 978-5-7454-1643-9

© Русский перевод, А. Р. Кацюн, 2021

Глава 1

Одна мысль мучила меня, один грех преследовал неотступно. Как бы я ни боролась сама с собой, с каждым днем росло чувство скрытой неприязни, почти ненависти, которую я испытывала к своему отцу.

Я смутно помню время, когда сидела у него на коленях и играла с тяжелыми звеньями цепочки от его часов или подносила их к своему уху; но его прикосновение даже тогда вызывало у меня чувство отвращения, желание выдернуть руку из его рук или отвернуть лицо от его поцелуя. Напрасно я себя упрекала — такие упреки моей совести были совершенно бесполезны.

Будучи школьницей, я с трепетом слушала чтение заповеди, которую не могла выполнить; и если почитание отца было условием долгой жизни, то мне оставалось лишь смириться с перспективой скорой и ужасной смерти.

Даже в школе — тихой и недорогой загородной школе, где мы были отгорожены от мира не менее тщательно, чем послушницы в каком-нибудь женском монастыре, — мне всегда было неприятно узнать о неожиданном приезде моего отца. У меня не было каникул, как у моих школьных подруг, но два или три раза в год он вторгался в наше спокойное одиночество, принося с собой дыхание внешнего мира, запах табака и бренди, грубую мужскую речь и всю пошлость обыденной жизни, от которой молодые девушки инстинктивно уклоняются.

Как бы я ни старалась, я не могла вынести звука его голоса, неестественно громко разносившегося по тенистым аллеям сада, а также хруста тяжелых шагов на гравийных дорожках, где мы гуляли. Я не могла заставить себя с почтением смотреть на его толстую фигуру, облеченную в добротную белую рубашку с оборками, броский жилет и пальто из блестящего черного материала. А когда на прощание он брал меня на руки, мелодраматично прижимая к своей груди, я готова была со-

противляться этому изо всех своих сил, если бы только он не был моим отцом.

«Она делает вам огромную честь, мисс Уайт, — говорил он самодовольным тоном моей гувернантке, — огромную честь. Во что бы то ни стало сохраните ее неискушенной: позвольте мне принять ее из ваших рук неискушенным и чистым ребенком природы».

Бог знает, я была достаточно чиста и бесхитростна, когда он увез меня из школы в возрасте семнадцати лет; если только быть чистым означает быть совершенно несведущим относительно реальной жизни. В течение десяти лет у меня не было друзей, кроме девушек моего возраста. Наши молодые головы были полны незрелых представлений. Наши фантазии рисовали внешний мир как сцену для демонстрации нашей красоты и достижений, которые однажды приведут к нашим ногам бесчисленных поклонников.

Единственными мужчинами, с которыми мне довелось разговаривать в моей короткой жизни, были учитель музыки — шотландец средних лет, худой и совершенно некрасивый, который, однако, в последнее время более почтительно прикасался к моей руке, направляя ее во время игры на пианино; и учитель языков — пожилой и близорукий итальянец, которому даже наше яркое воображение не могло придать романтики. Священнослужитель был для меня всего лишь видением, как и его ученики, в которых все мы тайно были влюблены. Но они вполне могли бы быть обманом зрения, потому что я видела их только на расстоянии в церкви, где, как предполагалось, мы должны были молиться.

И вот из этих тихих вод, где не происходило ничего, кроме каких-то смутных теней событий и эмоций, мой отец увез меня, довольный моей простотой и невежеством, и погрузил в головокружительный водоворот своей собственной жизни. Это было все равно, что взять ягненка с зеленых лугов и поместить его среди топота ног, враще-

ния колес, грохота и шума на перекрестке какого-то огромного города. Я была сбита с толку, раздавлена, мое сердце было разбито. Я ничего не могла понять. Все было для меня недоумением. Между тем в моем сердце еще более усилилось противоестественное отвращение к моему отцу.

Жизнь, которую мы вели, стала бы испытанием и для более опытной женщины, чем несведущая школьница семнадцати лет. Мы не поселились в определенном месте, а переезжали из города в город по делам, которые оставались для меня загадкой. Кроме того, крайняя нужда постоянно сменялась необъяснимым расточительством, и наоборот. В одном городе мы жили в самом дорогом отеле, и мне было приказано одеваться по последней моде; в следующем мы заняли несколько жалких комнат под вымышленным именем, и ни мой отец, ни я не рисковали показаться на улице перед наступлением темноты.

Как ранее я никогда не встречалась с мужчинами, так теперь оказалась полностью изолирована от женского общества. Мой отец то ли не был знаком с женщинами, то ли не хотел знакомить меня с теми, кого знал; а наши постоянные скитания лишали меня возможности самой завязать с кем-то дружбу.

Время от времени я видела милые, чистые, добрые женские лица, которые напоминали мне о потерянной тихой жизни и вызывали желание обменяться хотя бы несколькими словами с кем-то, кому я могла бы довериться. Именно такое лицо я увидела однажды в Честере, куда отец впервые взял меня посмотреть на скачки. Мы с незнакомкой взглянули друг на друга с улыбкой и почти уже готовы были нарушить барьер молчания между нами, когда какой-то джентльмен, наклонившись, негромко сказал ей: «Эта девушка — дочь известного картежника и шулера».

В своем невежестве я не знала, что означают эти слова, но догадалась, что мой отец имеет дурную славу. Мое лицо запылало от стыда, а ноги подкосились от ощущения слабости. Девушка приподнялась со своего места с восклицанием жалости; но я сидела неподвижно, глядя прямо перед собой в серый туман, который, казалось, покрыл всю оживленную толпу. Я не поняла, что произошло; я не знала, что плохого сделал мой отец. Я видела его на небольшом расстоянии, где он шумно спорил с другими мужчинами, сделанными как будто из того же материала, что и он. Я видела, как все они энергично жестикулировали, пожимали друг другу руки и делали пометки в своих записных книжках. Судя по взглядам, которые они время от времени бросали в мою сторону, я догадывалась, что они говорили обо мне.

В тот день на мне было дорогое нарядное платье, но я почувствовала, что девушка рядом со мной сжалась и как будто бы с радостью отошла от меня подальше; я не могла понять причины. Я поняла, что так или иначе была опозорена моим родителем. Так у меня появилось оправдание моего инстинктивного отвращения к отцу, и я не стала ему больше сопротивляться. Все мои усилия теперь были сосредоточены на том, чтобы скрывать от него свои чувства к нему как можно дольше... Ибо во всем мире у меня не было никого, кроме него.

У меня сохранились туманные воспоминания о моей матери как о слабой, томной, бездушной женщине, которая попеременно то обожала, то оскорбляла своего мужа и в конце концов обременила мою молодую совесть обещанием посвятить себя ему и пожертвовать собой в его интересах.

К счастью для меня, отец был настолько самовлюблен, что никогда даже не подозревал о моем тайном отчуждении; ему и в голову не приходило, что его дочь смотрела на него с постоянно растущим предубеждением и отвращением. Между тем, моя неприязнь к нему станови-

лась болезненной в такой степени, что сам звук его шагов, его громкий низкий голос, его тщательно завитые волосы и дорогие костюмы становились отдельными предметами моего отвращения. Несмотря на все усилия совести, безжалостно напомилавшей мне о пятой заповеди, меня раздражало в нем все, что я видела или слышала; умереть казалось легче, чем принудить себя уважать отца.

Мы странствовали из города в город уже около двенадцати месяцев, когда отец забрал меня в Ирландию и, будучи, как он сказал, «на мази», снял красивые апартаменты на одной из лучших улиц Дублина. В этом жилье мне была отведена роль хозяйки, от которой требовалось лишь одно: привести свой внешний вид в соответствие с нашим теперешним положением. Здесь мой отец не был так хорошо известен, как в Англии, что, вероятно, стало причиной его скорого знакомства с офицерами полка, квартировавшего в ирландской столице. Частые визиты к нам его новых друзей вскоре стали для меня еще более в тягость, чем наша прежняя ненадежная жизнь в Англии.

Однажды утром я украдкой наблюдала, как мой отец прихорашивается перед зеркалом на каминной полке, проводя своей полной рукой по седеющим кудрям и придирчиво поправляя оборку пышной рубашки. Нельзя было не признать, что раньше — да и сейчас тоже — он был красив; но я лучше назвала бы своим отцом самого бедного, простого и честного человека на улице, чем его. Мне казалось, что моя неприязнь перерастает в безумие. Я думала о том, как мне неприятен сам вид его пальцев, украшенных массивными золотыми перстнями, когда он, наконец, отвернулся от зеркала и обратился ко мне своим самым напыщенным и многозначительным тоном.

— Рода, дитя мое, — сказал он, — по тщательном размышлении я решил сообщить тебе нечто чрезвычайно важное.

Изображая должное внимание, я закрыла книгу, которую держала в руках, и приготовилась слушать. Я не ожидала услышать ничего более серьезного, чем новость, что мы покидаем наше очередное пристанище. Но он принял театральную позу, воздев одну руку в жесте благословения; оборки его рубашки вздымались и падали от якобы переполнявших его грудь отеческих чувств.

— Разве я не был для тебя хорошим отцом, Рода? — начал он патетически.

— Да, сэр, — сказала я неохотно. Я не могла отречься от обещания, данного матери.

— Отцом, — продолжал он жалобно, — какого удостоились немногие молодые женщины, не говоря уже о молодых леди. С тех пор как ты была предоставлена моей опеке, ты стала единственным предметом моей самоотверженной всепоглощающей заботы. Сама святая женщина, которая смотрит на нас с небес, моя покойная жена, не могла бы проявить большей заботы о твоём благополучии. Я лелеял тебя; образно говоря, я позволил тебе свить гнездо на моей груди. Но пришло время, когда я должен лишиться себя сей драгоценной ноши; вырвать цветок из моей груди и отдать его другому. Но кому же?

Я была настолько не готова к подобному вопросу, что смогла лишь пробормотать:

— Уверяю вас, я не имею ни малейшего понятия, сэр.

— Перед кем мне бросить мой жемчуг? — продолжал он, взмахнув своей белой и неизменно праздной рукой. — Погрузить ли его в холодные волны этого мира? Принести ли на жертвенник мамоны или растворить, как Клеопатра, в кубке Гименея? Неужели он уже не будет украшать меня своим нежным присутствием? Сколько тебе лет, Рода?

— В этом году исполнится восемнадцать, — ответила я.

— Моя благословенная жена вышла замуж в этом возрасте, — сказал он. — Но я собираюсь говорить не о браке. Я хочу объявить тебе, приготовься, Рода, важное обстоятельство, что среди многих благосклонных представительниц твоего пола я, наконец, сделал свой второй и не менее удачный выбор.

На мои глаза навернулись слезы, хотя я была уже подготовлена к этому сообщению, наблюдая за вниманием, которое мой отец оказывал единственной знакомой мне леди.

— Джулианна Торнли, — продолжал он, — одна из нежнейших и милейших женщин на свете; и не бесчувственна к выпавшей не ее доли удаче. Ее имущество невелико, но ничем не обременено, а мои таланты удвоят и утроят его раньше, чем минет год. У нас будет один кошелек и одно сердце, ибо мы полностью доверяем друг другу. Я готов воспользоваться своими привилегиями, чтобы возвысить мою избранницу до того положения, которое она достойна занимать. Наш союз будет заключен еще до истечения следующего месяца.

— Ах, отец, поздравляю вас! — воскликнула я. — Я очень надеюсь, что вы будете счастливы. Я рада, так рада, что у меня будет мать!

— Не сдерживай слез, дорогое дитя! — ответил он, прижимая мою голову в неудобном положении к своему плечу. — Здесь прибежище, которое всегда открыто для тебя. Образ Джулианны никогда не вытеснит тебя из моего сердца и объятий.

Однако он не стал возражать, когда я высвободилась из его рук. Похоже, все изящество ситуации было испорчено чопорностью, с которой я ответила на неуместную нежность с его стороны. К тому же, разыгранная сцена не имела свидетелей, кроме наших собственных отражений в зеркале.

— Моя милая Рода, — продолжал он в еще более напыщенной манере, — подготовься к еще более потрясающим известиям. Будь сильной; будь спокойной. Наконец настал момент, когда я обязан открыть тебе (сохраняй спокойствие, моя дорогая!), что я — не твой отец.

В первое мгновение я просто стояла, глядя на него: на его высокий лысеющий лоб, прищуренные глаза, на подвижный лживый рот. До сих пор все это вместе было лицом моего отца. Потом я отшатнулась от него, отступила на пару шагов и, опираясь дрожащей рукой о кресло, посмотрела на него пристально и почти с вызовом.

— Не мой отец? — повторила я. — Так кто же вы тогда?

— Дитя, — сказал он внушительно, — успокойся. Доверься таинственным путям Провидения. Хотя я и не твой родной отец, однако же я по-прежнему твой естественный опекун и защитник; а Джулианна поможет мне оградить твою молодость от бурь и штормов, которые подстерегают тебя на пути.

— Но кто вы? — настаивала я. — Кем я являюсь для вас, и вы для меня?

— Позволь мне изложить тебе все по порядку, детка, — ответил он. — Я стал твоим опекуном благодаря любопытному стечению обстоятельств. Твоя родная мать умерла при родах; в скором времени после ее кончины твой овдовевший отец сочетался браком с женщиной, которая сейчас является моей покойной женой. Твой отец умер, когда тебе не было еще и двух лет, а к тому времени, когда тебе исполнилось четыре, я превозмог предубеждения твоей мачехи, и она вверила свое одинокое вдовство моей заботе. Она доверила мне также все свое имущество, которое, как ты сама понимаешь, было потрачено на твое обучение. Таким образом ты видишь (сохраняй спокойствие, Рода), что между нами нет родственных связей.

— Вы не мой отец! — повторила я, разразившись слезами радости, облегчения и изумления. Сотни проти-

воречивых мыслей проносилось в моем уме, вызывая бесчисленные вопросы, однако мистер Биллингтон вновь потребовал моего внимания.

— Дочь моя (поскольку я и дальше собираюсь называть тебя этим милым моему сердцу словом), — сказал он, — твое волнение тебе к лицу и доказывает, что ты достойна моей защиты. Я небогат, но мое небольшое родительское поместье в... э-э... Оркни способно обеспечить наши скромные нужды. И пока у нас с Джулианной будет хотя бы крошка хлеба, мы не лишим тебя твоей доли, доли Вениамина. Но поторопись, дорогая: я заказал фаэтон на двенадцать и ты сопроводишь меня до обители моей невесты, где я передам тебя в ее руки. Не волнуйся: Джеймс Биллингтон не бросит в беде прекрасную одинокую деву.

Я быстро ушла, радуясь возможности побыть одна, и, прибежав в свою комнату, попыталась собраться с мыслями и осознать все то, что только что услышала. Но мое первое чувство облегчения вскоре уступило место горечи и обиде за многолетний обман, которому меня подвергали. Этот человек присвоил себе священное имя, которое я обязана была почитать. С младенчества он стоял между мной и воспоминаниями о моем родном отце. Его грубое самодовольство и напыщенная забота, его тщеславие и слабости и тысячи других черт характера отталкивали меня, в то время как от меня требовалась дочерняя любовь и привязанность — чувства, которых он не заслужил и на которые не имел права. Он не предоставил мне возможности оплакивать моих собственных родителей, которых я никогда не знала, а их могилы не посещала моя нога. Там, у этих покинутых могил, я была обязана выражать свою любовь и скорбь; тем временем этот человек, картежник, стал между мною и моими родителями!

Внезапно я почувствовала себя еще более осиротевшей и одинокой. Но стук колес под моим окном заста-

вил меня взять себя в руки. Торопливо одевшись, я сбежала вниз и заняла место рядом с мистером Биллингтоном.

Мое раскрасневшееся и заплаканное лицо, кажется, ему понравилось. Он стал еще более красноречиво заверять меня в своей опеке и заботе, пока, наконец, я не осмелилась прервать его.

— У меня так много вопросов, — сказала я. — Я озадачена всем тем, что узнала, и не в состоянии выразить вам должную благодарность. Но вместе с тем, как жаль, что я не узнала всего этого раньше!

— Рода, — сурово сказал мой опекун, — не травми мою душу змеиной неблагодарностью. Ты сама признала этим утром, что я был тебе хорошим отцом. И я был им, даже когда твои родственники отвернулись от тебя.

— У меня есть родственники? — воскликнула я изумленно. — Они еще живы?

— У тебя есть родственники, — ответил он. — Гордые, холодные и напыщенные. Послушай, неблагодарная девчонка. Твой отец был единственным сыном вдовы, которая потратила все свое состояние, чтобы сделать из него джентльмена. Твоя мать Рода была дочерью сэра Джорджа Вигорса, барона из Роктонского поместья, ныне покойного; а также приходилась сестрой теперешнему барону, твоему дяде. Твой отец служил гувернером у них в семье; они тайно обвенчались; когда это стало известно, твои родители были с позором изгнаны из поместья. Небольшое имущество твоей матери в размере около двух тысяч фунтов с ее смертью перешло на твоего отца, который разделил его поровну между тобой и твоей мачехой, назначив ее твоей единственной опекуншей. Мне остается лишь уверить тебя в том, что твое небольшое наследство было честно потрачено на твое образование.

В то время я еще не знала, что один только годовой доход от тысячи фунтов с лихвой покрыл бы все мои издержки в той дешевой школе, где я содержалась; и тяжело вздохнула при мысли о своей бедности.

— Мистер Биллингтон, — сказала я, чувствуя облегчение при мысли, что мне уже не нужно называть его отцом. — Я не имею права требовать, чтобы вы меня содержали; однако боюсь, что сама не смогу заработать себе на жизнь. Я не достаточно образованна, чтобы стать гувернанткой. Как вы думаете, может быть, меня поддержит семья моей матери? Должно быть, они очень богаты.

— Я уже писал сэру Джорджу, — мрачно ответил он. — После того как были потрачены остатки твоего жалкого наследства, я ясно изложил ему твои требования. К письму я прибавил и собственную просьбу о небольшой ссуде; и вот, какой ответ я получил. — Он вынул письмо из своей записной книжки и, передав мне, продолжал править лошадыми с видом оскорбленного достоинства. В записке было всего пару строк.

«Сэр, по поручению сэра Джорджа Вигорса спешу сообщить вам, что он отрицает любые права, на которые может притязать упомянутая вами молодая особа. Он также отказывает вам в ссуде 100 фунтов, но готов подарить приложенные к этому письму 10 фунтов при условии, что нас больше никогда не потревожите ни вы, ни упомянутая вами молодая особа».

Горькие слезы унижения и разочарования потекли из моих глаз на листок бумаги, который я держала в руках. А поскольку мое волнение не прекращалось, мистер Биллингтон стал замечать на себе любопытные, а иногда и возмущенные взгляды прохожих.

— Полно, полно, Рода, — сказал он небрежно. — Похоже на то, что скоро все окружающие захотят узнать, что я с тобой делаю. Тебе не из-за чего расстраиваться. С таким лицом, как у тебя, ты можешь добиться всего, чего пожелаешь. И скажу тебе по секрету, молодой Клив недаром заходил к нам вчера. Клянусь честью, это снова он! Скорее вытирай глазки, детка, потому что он направляется к нам.

Глава 2

Мои глаза все еще были полны слез, когда с нами поравнялся молодой офицер. Я ответила на его приветствие сдержанным кивком и вымученной улыбкой, надеясь, что он последует дальше, не обратив внимания на мои чувства. Но мистер Биллингтон так настойчиво стал упрашивать его сопровождать нас до дома капитана Торнли, брата его невесты, что он развернул лошадь и поехал рядом с фаэтоном. В его отношении к моему спутнику скользило скрытое презрение, более того, я заметила, что он украдкой рассматривает мое огорченное лицо, которое я старательно отводила в сторону.

— Я слышал, что ты снова собираешься жениться, Биллингтон, — сказал лейтенант Клив, покосившись на меня.

— Слухи не врут, — с довольным видом отвечал Биллингтон, целуя кончики своих пальцев при упоминании о Джулианне — Фортуна вновь улыбнулась мне в лице одной из прекраснейших представительниц женского рода.

— Не стану спрашивать, была ли красавицей первая миссис Биллингтон, — сказал молодой человек. — Я уверен, что мисс Биллингтон — вылитая мать, ведь она ничуть не похожа на тебя.

Молодой человек произнес эти слова так искренне и просто, что невозможно было на него обидеться. Я приставила взгляд к нему. Правда, он приходил к нам прошлым вечером, но лишь сейчас в свете полуденного солнца я поняла, как совершенна его красота. Его лицо было по-мальчишески молодо, кожа — гладка и мягка, как у женщины; пряди светлых вьющихся волос ниспадали на высокий белый лоб; глаза светились чистой синевой; полные губы были подвижны, а на щеках с легкостью появлялся румянец, особенно под моим пристальным взглядом.

Он ответил мне взором, полным уверенности и восхищения, так что я смущенно опустила глаза. Но прекрасный образ остался у меня в сердце.

Торопливо, но как будто с примесью робости лейтенант помог мне выйти из коляски. Однако я не намерена была присутствовать при встрече мистера Биллингтона с его избранницей. Вместо этого я задержалась на лужайке, придумывая какую-нибудь подходящую для случая фразу. Кто из нас двоих был более смущен, трудно даже сказать; каждый из нас знал мысли другого, но ни один не считал правильным высказать их вслух. Наконец, молодой лейтенант тихо и мелодично рассмеялся, и я присоединилась к нему.

— Значит, вы не расстроены? — сказал он быстро. — Мне кажется, она будет хорошо к вам относиться. Она еще не стара. Вы уже знакомы?

— О да! — ответила я со смехом. — Мы с ней очень дружны с тех пор, как приехали в Дублин.

— Я боялся, что она вам не понравится, — продолжал он. — Говорят, девушки не любят, когда мачеха не слишком-то старше их самих. А мне кажется, на самом деле все обстоит наоборот. Если бы у меня был пасынок в моем возрасте, намного красивее меня самого, я посчитал бы его серьезной помехой.

— Но в этой ситуации вы сами были бы женаты, — напомнила я ему со смехом, — и это не имело бы значения.

— Конечно, — согласился он, краснея, — я забыл. Значит, миссис Биллингтон не будет к вам ревновать.

Мы осознанно избегали смотреть в сторону окон гостиной, не желая случайно подсмотреть что-то неприличное, но створки вдруг распахнулись, и, обернувшись, мы увидели в окне мистера Биллингтона и Джулианну, как в рамке. Он обнимал ее за талию, ее рука покоилась на его плече.

— Придите, друзья мои, — воскликнул он, — приходи, дочь моя. Мы не откажем вам в удовольствии разде-

лить с нами предвкушение нашего блаженства. Все явно, все открыто. Наша любовь не нуждается в тайнах. Мы достойны друг друга и готовы сказать об этом миру. Мы бросаем ему перчатку. Я, Джеймс, беру тебя, Джулианна; и ты, Джулианна, берешь меня, Джеймса. Ах! Мои юные друзья, брачный союз — это золотой союз. Приди, Рода, и найди приют в сердце своей сестры-матери.

Чтобы подойти к ним, нам нужно было пройти через холл, и мы с молодым офицером успели взять себя в руки прежде, чем вошли в гостиную. Бормоча благословения, мистер Биллингтон передал меня в руки Джулианны, которая осыпала меня поцелуями и ласками.

Я заметила, что лейтенант смотрит на нас с усмешкой, и мне стало неловко; я обрадовалась, когда мистер Биллингтон предложил отправиться на смотр войск в Феникс-парке, где капитан Торнли пообещал забронировать для нас места с хорошим обзором.

Великолепие парада и веселое оживление в толпе зрителей быстро рассеяло мою меланхолию. Лейтенант Клив радовался как ребенок. Его красивое лицо светилось такой энергией, что это не могло не передаться и мне. Вокруг нас толпились его друзья — офицеры, наперебой стремившиеся со мной познакомиться. Утреннее волнение придало цвет моим щекам и более глубокий оттенок — темным глазам. Время от времени мои мысли возвращались к разговору с опекуном.

— Разве она не красавица? — услышала я осторожный шепот лейтенанта Клива, предполагавшего, что я занята общением с окружившими меня джентльменами.

— Правда твоя, о великий Артаксеркс, — был еле слышный ответ. — Мы все отдаем дань твоему вкусу. Но не забывай, кто ее отец.

Я осторожно взглянула на говорившего. Это был высокий английский офицер мужественного вида, в той же униформе, что мой спутник. Не подавая виду, я про-

должала поддерживать светский разговор и засмеялась в ответ на шутку моего собеседника; но подслушанные слова сделали свое дело: в глубине души я снова глубоко страдала от унижения, которое клеймило меня как дочь мистера Биллингтона.

— Мисс Биллингтон, — начал лейтенант Клив, взявшись отвезти меня домой после смотра, по просьбе мистера Биллингтона.

— Не называйте меня так, — перебила я его обиженным тоном. — Я ненавижу эту фамилию, она мне совершенно чужда.

— Как же вы позволите мне называть вас? — спросил он тихо и вкрадчиво.

— Я сама не знаю, — ответила я, отводя глаза. Мои щеки стали пунцовыми при мысли, что я не знаю даже своей собственной фамилии.

— Рода, — пробормотал он, прикоснувшись на миг к моей руке, и на его губах заиграла улыбка.

— Кем был этот высокий привлекательный мужчина из вашего полка, лейтенант? — спросила я, торопливо меняя тему разговора.

— А зачем вам? — сказал он ревниво. — Он не из компании Биллингтона. Впрочем, раз уж вы спросили, это капитан Вигорс из Роктона. Наши поместья находятся неподалеку.

На мгновение я онемела. Человек, которого я успела возненавидеть за то, что он остерегал от меня моего спутника, был моим родственником! Жаль, что я не рассмотрела его лучше. У меня осталось лишь смутное воспоминание об открытом лице и приятном голосе. К сожалению, нас не представили.

— Лейтенант Клив, — сказала я задумчиво, — вы не могли бы мне объяснить, кто такой шулер?

Единственным ответом был изумленный смех, и я обернулась посмотреть на моего спутника. На его лице

отражалось недоверие вперемешку с любопытством, а его дерзкие голубые глаза смотрели на меня изучающе.

— Рода! — воскликнул он, смеясь. — Кто мог бы ожидать от вас таких выражений? Честное слово, это хорошая шутка.

— Я действительно не знаю, что это значит, — сказала я упрямо. — Я услышала это слово однажды в Англии, и с тех пор часто задумываюсь, что оно означает. Боюсь, что это что-то очень плохое.

— Очень плохое, — шутливо подтвердил лейтенант Клив, — но к вам это не имеет никакого отношения. Поверьте мне, и не утруждайте этим свою милую головку. Может быть, вы хотите спросить что-нибудь еще?

— Нет, — сказала я печально и покрепче укуталась в плед. Хотя день был солнечным, я дрожала скорее от огорчения, чем от холода.

Он наклонился ко мне с раздосадованным видом, но я отвернулась.

— Вы не обиделись на меня? — спросил он тревожно.

— Нет, — сказала я.

— И не бойтесь меня? — продолжал он.

— Конечно же нет! — рассмеялась я, глядя на его встревоженное юношеское лицо. — Как можно вас бояться?

— Тогда увидимся завтра, Рода, — прошептал он, как мне показалось, с облегчением и помог сойти с фэтона.

Мистер Биллингтон к тому времени был уже дома и встретил меня в гостиной с многозначительной улыбкой, которая осветила его лицо до самых корней волос.

— А теперь, — сказала я, едва лейтенант ушел и мы остались одни, — расскажите мне еще. Скажите, как моя фамилия. Расскажите о моих родителях.

— Рода, — сказал он, напуская на себя негодующий и таинственный вид, — сколько мне просить тебя придержать твое женское любопытство? Я не пропущу бла-

гоприятного случая, чтобы преподать тебе ценный урок. В настоящее время тебе лучше всего выдавать себя за мою дочь. Я буду оберегать твои интересы, пока у тебя не появится более близкий и дорогой защитник. Поверь мне, когда наступит подходящее время, я открою все, что касается твоего прошлого. Но пока что ты остаешься Родой Биллингтон. — Потом он добавил: — Прощай, мое дитя. Сегодня вечером я выхожу на ужин и не рассчитываю, что ты будешь ждать моего возвращения. Иди спать пораньше и позаботься о том, чтобы хорошо выглядеть.

И, напевая себе под нос хриплым голосом: «Мое лицо — мое богатство, сударь...» — мой достойный опекун предоставил меня себе самой.

Глава 3

Когда я открыла глаза на следующее утро, на моей кровати лежал букет редких цветов необычайной красоты. На открытке внутри были написаны лишь два слова «Для Роды». Казалось, даритель этих цветов считал, что имеет право называть меня по имени; я почувствовала скрытый восторг... И облегчение.

В течение завтрака мистер Биллингтон был занят чтением утренних газет; позже торопливо поднялся и, тщательно натянув светлые перчатки, вышел, едва попрощавшись. Я не успела поговорить с ним. Выходя, он лишь подчеркнуто бросил: «Я приведу с собой на ужин лейтенанта Клива».

Итак, целый день был в моем распоряжении. У меня не было ни домашних обязанностей, ни занятий, которые потребовали бы моего времени и внимания. Часы тянулись в полном бездействии, и утихшее на время чувство беспокойства охватило меня с новой силой. Горькое ощущение одиночества и зависимости от других, отсутствие родителей и дома угнетало и удручало меня. Мне казалось невозможным продолжать жить у

мистера Биллингтона, даже если у него были бы средства на мое содержание. Я не могла придумать никакого плана на будущее, кроме того чтобы найти себе место гувернантки, но чувствовала себя недостаточно квалифицированной для этой работы.

Единственным, кто помог бы мне устроиться, была моя старая учительница, но она умерла несколько месяцев назад, а кроме нее у меня не было знакомых, которые заинтересовались бы моей судьбой. Я пыталась заглянуть мыслями в свое будущее, но даже смутно не могла его себе представить.

Весь этот унылый и тоскливый день я, черпая вдохновение в событиях последнего года, рисовала себе в мыслях всевозможные несчастья и огорчения, которые вполне могут выпасть на мою долю. Ни один бледный луч счастья не озарил моих картин, ни одна радостная нотка не зазвучала в моей мелодии. Год за годом жизнь станет бременем для меня. Старость — ужасная, отвратительная старость души — пожрет мою молодость, седина и морщины разрушат красоту, мое единственное имущество. Мой дух будет сломлен; мои надежды — если у меня будут надежды — раздавлены; мой разум ослабеет под тяжестью постылых трудов. Чудесное солнечное утро, казалось, издевалось над моими страданиями. Бросившись на диван, я зарыла лицо в подушках и стала горько рыдать и всхлипывать.

— Снова слезы, Рода? — сказал удивленный голос, при звуках которого я еще сильнее зарылась в подушки, боясь показать свое измятое и заплаканное лицо. Наступила недолгая тишина, после чего я почувствовала, как его рука осторожно и робко прикасается к моей голове.

— Рода, по дороге сюда я встретил вашего отца, и он разрешил мне навестить вас без предупреждения.

Я все еще лежала неподвижно и лишь тяжело вздохнула в ответ на его слова.